

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-4-48-56
УДК 342.7

Дата поступления статьи: 30/VII/2018
Дата принятия статьи: 4/X/2018

М. Ф. Косолапов

ПРАВО НА ЖИЗНЬ: ЭВОЛЮЦИЯ УНИВЕРСАЛЬНОГО МЕЖДУНАРОДНОГО СТАНДАРТА

© **Косолапов Михаил Федорович** (kosolapov_mf@mail.ru), кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права. **Саратовская государственная академия права**, 410056 г. Саратов, ул. Вольская, 1.

Тема кандидатской диссертации: «Суд в системе государственной власти Российской Федерации (конституционные аспекты)». Автор 47 научных работ, в т. ч. монографии «Судебная власть в конституционном строе» (2005), а также научных статей: «Категория “международно-правовой стандарт”: подходы к определению», «Право на свободу и личную неприкосновенность в правовых позициях Комитета по правам человека ООН», «Заключительные замечания квазисудебных органов ООН по правам человека: правовой статус и значение для национальных правовых систем».

Область научных интересов: проблемы взаимодействия международного и внутригосударственного права, международная защита прав человека.

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследуется содержание международно-правового стандарта по обеспечению и защите права на жизнь, на реализацию которого должны ориентироваться государства-участники Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. Основываясь на Замечаниях общего порядка Комитета по правам человека ООН, принятых по ст. 6 Пакта, автор предпринимает попытку проследить эволюционное развитие универсального стандарта права на жизнь, обусловленное социальными потребностями международного сообщества. Основное содержание исследования составляет анализ проекта Замечания общего порядка № 36, в котором Комитет, обобщая международную и внутригосударственную практику государств-членов, изложил свои позиции по поводу современного содержания права на жизнь, а также комментарии государств к тексту предложенного проекта. Рассмотрены такие дискуссионные вопросы в контексте права на жизнь, как проблема смертной казни, легализация эвтаназии и ряд других. В заключение автором дается оценка интерпретационной деятельности Комитета по правам человека.

Ключевые слова: право на жизнь, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Комитет по правам человека ООН, замечания общего порядка, эволюционное толкование, смертная казнь, международный стандарт.

Цитирование. Косолапов М. Ф. Право на жизнь: эволюция универсального международного стандарта // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 4. С. 48–56. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-4-48-56>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

M. F. Kosolapov

RIGHT TO LIFE: EVOLUTION OF A UNIVERSAL INTERNATIONAL STANDARD

© **Kosolapov Mikhail Fedorovich** (kosolapov_mf@mail.ru), Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of International Law, **Saratov State Law Academy**, 1, Volskaya Street, Saratov, 410056, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Judiciary in the system of Russian Federation state authority (constitutional aspects)». Author of 47 scientific works, including monographs «Judiciary within the constitutional order» (2005), and research articles: «The category of “international legal standard”: approaches to the definition», «Right to liberty and security in the views of UN Human Rights Committee», «Concluding observations of the quasi-judicial UN Human Rights bodies: legal status and significance for national legal system».

Research interests: problems of interaction between international and national law, international human rights protection.

ABSTRACT

This article examined the content of the international legal standard for ensuring and protecting the right to life, the implementation of which should be guided by the states parties to the international Covenant on civil and political rights in 1966. Based on the General Comments of the UN Human Rights Committee adopted under article 6 of the Covenant, the author attempts to trace the evolutionary development of the universal standard of the right to life due to the social needs of the international community. The main content of the study is an analysis of the draft of the General Comment No. 36, in which the Committee, summarizing the international and domestic practice of member states, presented its views on the current content of the right to life, as well as the comments of states on the text of the proposed draft. Such controversial issues in the context of the right to life as the problem of death penalty, legalization of euthanasia and a number of others are considered. In conclusion, the author assesses the interpretation activities of the Human Rights Committee.

Key words: right to life, international Covenant on civil and political rights, 1966, Committee on Human Rights, UN General Comments, evolutionary interpretation, death penalty, international standard.

Citation. Kosolapov M. F. *Pravo na zhizn': evoliutsiia universal'nogo mezhdunarodnogo standarta* [Right to life: evolution of a universal international standard]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2018, Vol. 4, no. 4, pp. 48–56. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-4-48-56> [in Russian].

Право на жизнь – это уникальное право. Его можно охарактеризовать как основополагающее, естественное и неотъемлемое право, составляющее базис для всех иных прав человека [1, с. 198]. В силу этого оно получило свое закрепление не только на национальном (конституционном) уровне, но и в целом ряде международных соглашений универсального и регионального уровней.

К документам, образующим универсальный международный стандарт в данной области, относятся: ст. 3 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. (далее – Пакт или МПГПП), устанавливающие единые подходы для всего международного сообщества к правовому регулированию и обеспечению права на жизнь.

Текстуальная форма закрепления права на жизнь в Пакте не имеет существенных отличий от других международных соглашений. Это краткая констатация: «Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом.

Никто не может быть произвольно лишен жизни» (п. 1 ст. 6). Возможность и условия применения смертной казни перечислены в пп. 2–6. Запрет на ее применение устанавливается в дополнительном соглашении, порождая тем самым некоторые различия в обязательствах [2].

МПГПП 1966 года, как и большинство договоров по правам человека, относятся к договорам «первой волны», поэтому современный контекст, в котором действуют провозглашенные им права, в значительной степени отличается от того, в котором они задумывались. Это порождает необходимость их развития в соответствии с социальными потребностями международного сообщества. Любая «заморозка» текста договора может привести к снижению его эффективности в достижении провозглашенных целей и снижению интереса к нему со стороны участников [3]. Вместе с тем, несмотря на неоспоримую важность права на жизнь, текстуально ст. 6 Пакта ни разу не подвергалась изменениям.

В данной ситуации важное значение для понимания современной концепции права на жизнь приобретают позиции Комитета по правам человека, которые он формулирует в целом ряде актов: заключительных замечаниях, принимаемых по итогам рассмотрения периодических докладов государств-участников, а также соображениях, принимаемых по итогам рассмотрения индивидуальных жалоб. Однако наиболее информативным источником правовых позиций являются замечания общего порядка (далее – ЗОП), в которых Комитет обобщает накопившуюся практику относительно любой статьи Пакта.

Комитет дважды обращался к «обобщению практики» по реализации ст. 6 Пакта: им было принято Замечание общего порядка № 6 (1982 г.) и Замечание общего порядка № 14 (1984 г.) [4], в которых он последовательно изложил свои правовые позиции относительно содержания данного права и вытекающих из него обязательств государств-членов.

В первом ЗОП, принятом в 1982 году, право на жизнь провозглашается как основополагающее право, которое не допускает никаких отступлений даже в тех ситуациях, когда существование нации находится под угрозой. Среди наиболее значимых угроз для эффективной реализации права на жизнь Комитет выделил войны и другие акты массового насилия, в связи с чем посчитал высшим долгом государств их предотвращение, а наиболее важной гарантией – всеобщее укрепление международного мира и безопасности (п. 2). Вторая проблема, которая заслуживает внимания, по мнению Комитета, это произвольное лишение жизни. С его точки зрения, в национальном законодательстве необходимо строго регулировать и ограничивать случаи, при которых человек может быть лишен жизни в результате действий государственных органов (в первую очередь сил безопасности), а также предпринять необходимые меры по предотвращению случаев исчезновения отдельных лиц, приводящих к смерти (п. 3).

Что касается смертной казни, то Комитет отметил, что положения ст. 6 не накладывают на государства обязательств по ее отмене, вместе с тем государства обязаны ограничить ее применение «самыми тяжкими преступлениями», оговариваясь при этом, что данное выражение следует трактовать ограничительно, ориентируясь на то, что смертный приговор должен являться исключительной мерой. Важным направлением деятельности государств Комитет посчитал принятие ими мер, направленных на снижение детской смертности, увеличение продолжительности жизни, особенно путем борьбы с голодом и эпидемиями (п. 5).

Спустя два года Комитет принимает второе Замечание (№ 14) по данной статье, разработка которого была продиктована не существенными изменениями в понимании содержания данного права или коренными изменениями в практике государств, а озабоченностью Комитета возможностью начала ядерной войны. В данном Замечании Комитет сосредоточился только на проблеме разработки и распространения оружия массового уничтожения, которые, с его точки зрения, ставят под угрозу не только

жизнь человека, но и поглощают ресурсы, которые могли быть использованы для жизненно важных целей. Он выразил озабоченность, что эта угроза усугубляется опасностью применения ядерного оружия не только в случае войны, но в результате ошибки человека или механической неполадки (п. 4). В итоге им была выражена позиция, согласно которой производство, испытание, обладание, развертывание и применение ядерного оружия должны быть запрещены и признаны преступлением против человечества. А государствам в одностороннем порядке и на основе соглашений следует принять неотложные меры для избавления мира от этой угрозы (п. 6–7).

Таким образом, действующие на данный момент ЗОП по ст. 6 Пакта носят достаточно общий характер. Комитет, делая акцент на том, что право на жизнь нельзя толковать узко, вместе с тем не определил даже примерные ориентиры для верной трактовки. В поле зрения Комитета – только глобальные проблемы, угрожающие праву на жизнь: война, голод, эпидемии и т. д. Таким образом, большая часть вопросов, связанных с правом на жизнь, оставлены им на усмотрение государств: право на смерть (проблемы эвтаназии), момент начала и окончания жизни и другие вопросы биоэтики и т. д. Как представляется, такую осторожность в трактовке права на жизнь можно объяснить отсутствием у Комитета возможности выявить четкий межгосударственный консенсус относительно всех этих вопросов. Во-первых, на момент принятия первого ЗОП Комитет функционировал только 5 лет и еще не все государства предоставили свои доклады о процессе имплементации договорных положений на национальном уровне. Во-вторых, как было отмечено в ЗОП № 6 (1982 г.), информация, предоставленная государствами, носит фрагментарный характер, а в условиях недостатка сведений о практике реализации положений ст. 6 на национальном уровне Комитету достаточно сложно выработать собственные правовые позиции по тем вопросам, которые в самих государствах-членах носили дискуссионный характер.

14 июля 2015 г. Комитет начал процесс подготовки нового текста Замечания общего порядка № 36 по данной статье (далее – Проект), предложив всем заинтересованным сторонам принять участие в его обсуждении. Проект качественно отличается от ранее принятых и представляет собой достаточно объемный документ: по содержанию он в десять раз превосходит каждый из них. В нем Комитет попытался отразить накопленную им практику по контролю над выполнением государствами своих договорных обязательств, опыт государств-членов по имплементации положений Пакта на национальном уровне, а также результаты деятельности других международных органов и организаций по данному вопросу. Существенным отличием Проекта от ранее принятых Замечаний по ст. 6 является более высокая степень транспарентности изложенных в нем правовых позиций: практически в каждом случае Комитет делает отсылку к соответствующему международному документу в подтверждение своих выводов.

Наиболее целесообразным представляется остановиться на тех правовых позициях Комитета, кото-

рые традиционно являются дискуссионными и вызвали неоднозначную оценку государств-членов.

Особое внимание в Проекте Комитет уделил рассмотрению обязанностей государств-участников в контексте ст. 6 Пакта. По его мнению, государства-участники обязаны уважать, обеспечивать и защищать право на жизнь путем принятия законодательных и других мер, создания эффективных средств их правовой защиты, а в случае нарушения – предоставить жертвам нарушений возмещение ущерба. Государства, как отмечает Комитет, должны предпринимать действия, чтобы защитить жизнь всех лиц, находящихся на его территории и под его юрисдикцией, от любых посягательств со стороны физических и юридических лиц и т. д. Такое расширительное толкование обязательств Комитетом в ряде случаев вызвало критику со стороны государств-членов.

Наибольший интерес представляют позиции Комитета относительно вопросов применения смертной казни (пп. 2, 4, 5 и 6 ст. 6), т. к. в предыдущих замечаниях они не получили должной детализации. При их изложении Комитет оказался в сложной ситуации: он должен был учесть имеющиеся различия в договорных обязательствах (или во внутригосударственной практике) государств-участников Пакта. Речь идет о странах, отменивших (установивших мораторий) смертную казнь, и странах, не сделавших это. Таким образом, в рамках статьи 6 МПГПП действует сразу два правовых режима, для которого характерны свои правовые позиции.

В пункте 38 Проекта Комитет, основываясь на том, что Второй факультативный протокол к Пакту не содержит положений относительно выхода из него, делает вывод о безотзывном (юридически не расторгимом) характере отмены смертной казни. Государства-участники, которые отменили смертную казнь на национальном уровне, придерживаясь Второго факультативного протокола или в связи с участием в другом международном соглашении, не вправе ввести ее вновь. Подобная трактовка положений ст. 6 Пакта не была поддержана некоторыми государствами-участниками. Российская Федерация, ссылаясь на положения ст. 32 Венской конвенции о праве международных договоров, в своих замечаниях отметила, что в отсутствие четкого и недвусмысленного запрещения денонсации в текстах Пакта и Факультативного протокола, утверждение о невозможности выхода требует обоснования, которое должно базироваться на «подготовительных материалах и обстоятельствах заключения соответствующих соглашений. С ее точки зрения, если государство, отменившее смертную казнь одним из способов, указанных в проекте, или иным способом (например, путем толкования конституционных норм), в случае разработки и принятия на референдуме новой Конституции, предусматривающей смертную казнь, это необходимо рассматривать как коренное изменение обстоятельств и основание для выхода из международного договора, а также пересмотра национального законодательства, по данному вопросу [5]. Подобная реакция РФ как страны, не бравшей на себя международных обязательств по от-

мене смертной казни, вполне объяснима, т. к. это является значительным расширением ее обязательств. Схожую позицию заняли и США. В пункте 40 представленных ими замечаний отмечено, что «в Пакте речь не идет о запрете на восстановление смертной казни в государствах после ее отмены», в отличие от п. 3 ст. 4 Американской конвенции по правам человека 1969 г., в которой этот запрет четко установлен: «Смертная казнь не вводится вновь в тех государствах, которые ее отменили». Поэтому, «учитывая отсутствие той же или аналогичной формулировки в МПГПП, Комитет не должен делать вывод о наличии такого ограничения» [6].

Еще одной правовой позицией, адресованной в первую очередь к государствам, отменившим смертную казнь, можно считать требование к правительствам воздерживаться от высылки или выдворения со своей территории какого-либо лица в страну, где оно обвиняется в преступлении, за совершение которого предусмотрена смертная казнь. В противном случае Комитет может констатировать нарушение ч. 1 ст. 6 [7]. Так, рассматривая жалобу *Roger Judge v. Canada* [8], Комитет посчитал, что власти Канады нарушили свои обязательства по ст. 6, поскольку высылка заявителя в США, где он был приговорен к смерти, сделала исполнение приговора возможным.

В отношении тех государств, которые не отменили смертную казнь, Комитет попытался максимально определить пределы ее применения, гуманизировать процесс ее реализации; насколько это возможно, рассмотреть случаи, при которых применение смертной казни будет являться нарушением ст. 6 Пакта.

Если в предыдущем Замечании он ограничился указанием на то, что она должна применяться только за тяжкие преступления, не уточняя при этом критерии, то в Проекте он детально изложил свое понимание данного термина. Предлагается ограничить данную группу исключительно преступлениями, сопряженными с умышленным убийством. В отношении преступлений, не являющихся таковыми (преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, попытка убийства, коррупция, экономические преступления), несмотря на всю их опасность для общества, вынесение смертного приговора не может быть оправдано с позиции ст. 6 Пакта. При этом Комитет ссылается на целый ряд вынесенных им соображений по итогам рассмотрения индивидуальных жалоб. Например, в *Соображении Chisanga v. Zambia* [9], когда, согласно материалам жалобы, заявитель был приговорен к смертной казни за грабеж, Комитет посчитал, что, хотя жертва преступления и была ранена, это не привело к ее смерти, и вынесение смертного приговора в данном случае будет нарушением права заявителя на жизнь. Аналогичной позиции Комитет последовательно придерживался в заключительных замечаниях на протяжении многих лет [10].

Кроме того, с позиции Комитета смертная казнь не может быть применена в качестве меры наказания за деяния, криминализация которых сама по себе представляет собой нарушение Пакта: супружескую измену, гомосексуализм, вероотступничество, оскорбление главы государства и т. д.

На это предложение Комитета власти Российской Федерации возразили, что «определение тяжести преступлений является исключительной прерогативой государства. Международное право не предусматривает единого перечня критериев квалификации преступлений с точки зрения их тяжести и не устанавливает «универсальной» обязанности государств пересмотреть свое национальное законодательство с целью сокращения перечня преступлений, за которые может быть назначена смертная казнь». Таким образом, государства вправе определять степень общественной опасности тех или иных действий, криминализировать их и устанавливать меры ответственности до тех пор, пока международные договоры не установят иное (пп. 29–30 Замечаний).

В тексте Проекта Комитет неоднократно связывает обязательства по ст. 6 с обязательствами по другим статьям Пакта. Так, в п. 44 Проекта отмечается, что государства-участники, которые еще не отменили смертную казнь, при приведении смертного приговора в исполнение должны соблюдать требования ст. 7 Пакта (запрет пыток): забивание камнями, инъекции непроверенных летальных препаратов, использование газовых камер, практику публичных казней [11] и т. д. Непредоставление лицам, приговоренным к смерти, своевременного уведомления о дате казни, Комитет также считает формой жестокого обращения, нарушающего ст. 7 Пакта [12].

Комментируя п. 2 ст. 6 Пакта, согласно которому смертная казнь может быть осуществлена только во исполнение окончательного приговора, вынесенного компетентным судом, Комитет отмечает, что положения ст. 6 будут выполнены только при условии, если такой суд учрежден на основании закона, в рамках действующей судебной системы, и до совершения преступления; является независимым от исполнительной и законодательной власти (п. 49 Проекта). При этом он выражает сомнение в полной независимости и беспристрастности военных судов [13]. Кроме того, по его мнению, суды обычного права (например, суды дина (старейшины), действующие на Мадагаскаре, и другие племенные суды) нельзя рассматривать как способные обеспечить справедливое судебное разбирательство [14].

Согласно п. 5 ст. 9, смертный приговор не выносится за преступления, совершенные лицами моложе 18 лет, и не приводится в исполнение в отношении беременных женщин. Вместе с тем Комитет в п. 53 Проекта предлагает государствам еще более сузить эти рамки. С его точки зрения, государства должны воздерживаться от применения смертной казни в отношении людей, которые имеют, по сравнению с другими, ограниченные возможности защищать себя сами: инвалидов, пожилых людей, людей с психическими или интеллектуальными отклонениями, а также родителей малолетних детей и тех, кто в прошлом пострадал от серьезных нарушений прав человека, таких как жертвы пыток.

Представляют несомненный интерес позиции Комитета относительно п. 6 ст. 6 Пакта, согласно которому «ничто в настоящей статье не может служить основанием для отсрочки или недопущения отмены смертной казни каким-либо участвующим в на-

стоящем Пакте государством». Он последовательно в своей практике, в том числе и в рассматриваемом Проекте, призывает государства, которые еще не отменили смертную казнь, «решительно двигаться в направлении ее отмены как *de jure*, так и *de facto*». Комитет отмечает, что, несмотря на отсутствие на момент подписания Пакта у государств-участников убеждения в том, что смертная казнь – это жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство наказание, последующие соглашения, заключаемые государствами, свидетельствуют, что отношение к смертной казни стало меняться. В пользу данного вывода говорит увеличение числа ратификаций Второго факультативного протокола, а также иных международных договоров схожего содержания (п. 55 Проекта).

Отсутствию консенсуса во внутрисударственной практике государств-участников Пакта 1966 г. относительно существования в контексте права на жизнь «права на смерть», как представляется, не позволило Комитету достаточно четко сформулировать свои позиции по данному вопросу. В пункте 10 Проекта Комитет избирательно подошел к изложению своей позиции по данному вопросу, обратившись лишь к двум формам его проявления [15, с. 98]: суициду и эвтаназии.

Руководствуясь обязанностью государств защищать жизнь, Комитет отмечает, что они должны принимать надлежащие меры по предотвращению самоубийств, особенно среди людей, которые находятся в особо уязвимом положении, так как в ряде случаев их решение уйти из жизни диктуется кратковременным жизненным кризисом. Предложенная Комитетом позиция достаточно распылчата: кто входит в группу лиц, находящихся в уязвимом положении, и распространяется ли это на перманентные причины суицида (экономические проблемы, наркотическая зависимость, расстройство психики и т. д.). Обращение к документу, на который ссылается Комитет, не проясняет ситуации: в нем рассматривается обстановка, сложившаяся к 1998 г. в Эквадоре и характеризующаяся очень большим числом самоубийств среди молодых женщин, провоцируемых запретом на аборт [16]. Государству была высказана рекомендация предпринять все необходимые меры для оказания помощи женщинам, девочкам подросткового возраста, сталкивающимся с проблемой нежелательной беременности. Приведенная отсылка является казуальной, однако можно предположить, что Комитет исходил из широкой трактовки этой группы лиц. Например, Комитет по правам ребенка, на чью практику ссылается и Комитет по правам человека в своем Проекте, неоднократно выражал озабоченность проблемой распространения суицида среди подростков в кризисных ситуациях, делая акцент на необходимости оказания этой группе населения всемерной помощи [17].

Если необходимость активизации действий государства по сокращению числа самоубийств логически обоснована с точки зрения содержания ст. 6 Пакта, то вопрос о легализации эвтаназии не является столь же определенным. Содержание рассматриваемой статьи не подразумевает иных форм лишения

человека жизни, кроме смертной казни. Ситуация осложняется еще и тем, что Комитет при выработке своей позиции по данному вопросу не может опереться на действующую внутрисоветскую практику государств-участников: она неоднородна и противоречива. Эвтаназия легализована только в отдельных странах (Голландия, Бельгия, отдельных штатов США), но даже там, где она получила законодательную регламентацию, практика ее реализации является либо ограниченной, либо непоследовательной [18, с. 2071]. Конфессиональные различия в государствах-участниках Пакта также не позволяют выработать единой позиции по данному вопросу [19, с. 101]. В подавляющем же большинстве государств (в том числе и в России) она считается недопустимой, более того, уголовно наказуемой. Отсутствует единство мнений по данному вопросу и в правовой доктрине [20, с. 971–972]. По этому вопросу даже Европейский суд по правам человека в одном из своих постановлений отметил, что «при толковании статьи 2 Конвенции 1950 года, закрепляющей право на жизнь, нельзя без искажения ее текста прийти к выводу, что она наделяет человека диаметрально противоположным правом – правом на смерть» [21], несмотря на то что ЕСПЧ находится в более выгодном положении по сравнению с Комитетом, так как между европейскими государствами-участниками существует большая культурная, правовая и иная близость, при которой вероятнее достичь консенсуса.

Вместе с тем Комитет не мог не учесть изменений, которые произошли с момента принятия Пакта в правовой, духовной и социальной сфере современного общества. По этой причине он не стал полностью исключать возможности существования в государствах-участниках медицинской эвтаназии. Как следует из текста Проекта, эвтаназия может быть применена только в отношении взрослых, смертельно травмированных или имеющих заболевание в терминальной стадии людей, испытывающих серьезные боли и страдания как физические, так и душевные и желающих «достойно уйти из жизни». Согласно предложенной формулировке, Комитет не считает правильным распространять эвтаназию на несовершеннолетних, которые недееспособны и не могут самостоятельно выразить свою волю. В то же время она не содержит каких-либо уточнений по вопросу о психическом состоянии взрослых лиц, так как в большинстве случаев тяжесть заболевания может повлечь за собой серьезные психические расстройства.

Если эвтаназия законодательно предусмотрена, государство, с точки зрения Комитета, должно обеспечить ряд гарантий того, чтобы это решение пациента было ясным, свободным, обоснованным, исключало какие-либо злоупотребления путем принятия правовых и организационных мер. При этом Комитет ссылается на практику Нидерландов [22], где, согласно Закону об эвтаназии и помощи в добровольном уходе из жизни, врач может, при наличии положительного заключения второго врача, прервать жизнь пациента без проведения судом независимой проверки с целью определить, не было ли это решение принято под давлением или в результате ошибки.

Комитет обеспокоен масштабами распространения в государстве-участнике практики эвтаназии и оказания помощи в добровольном уходе из жизни, в связи с чем настоятельно призывает власти пересмотреть соответствующее законодательство с учетом провозглашенного в Пакте права на жизнь.

Российское законодательство и правоприменительная практика во многом предопределили позицию нашей страны в отношении предложенных Комитетом позиций. Включение в Проект Замечания каких-либо аспектов применения эвтаназии оценивается как нецелесообразное, это противоречит ст. 6 Пакта, которая допускает лишение человека жизни только по приговору суда за совершение особо тяжких преступлений в качестве меры уголовного наказания, а следовательно, никакие «гуманистические» соображения или медицинские свидетельства не могут служить основанием для лишения человека жизни, особенно с учетом проблемы обеспечения свободного и ясного осознанного решения.

Как уже отмечалось, особенность права на жизнь заключается в том, что, провозглашая это право, международные документы, как, впрочем, и национальное законодательство, зачастую обходят стороной вопрос о его временных рамках. Одним из документов, составляющим исключение, является Американская конвенция 1969 г., ч. 1 ст. 4 которой гласит: «Каждый человек имеет право на уважение его жизни. Это право охраняется законом, в целом – с момента зачатия. Никто не может быть произвольно лишен жизни».

Закрепляя право на жизнь как неотъемлемое право каждого человека, Международный пакт не определил, кто подпадает под понятие «каждый человек», распространяется ли оно на нерожденного ребенка, что понимается под термином «жизнь». Уточнения не были внесены и в ЗОП № 6, оставлен без внимания этот вопрос и в подготовленном Проекте замечаний.

Представляется, что ввиду отсутствия на момент разработки документа какого-либо единства по данному вопросу со стороны государств-участников Комитет решил ограничиться признанием правосубъектности уже родившегося человека [23, с. 181–182], оставив вопрос о расширении временных рамок начала жизни на усмотрение национальных властей. Подобная ситуация не является уникальной, она характерна и для европейского правозащитного механизма [24, с. 11–12]. Такой подход позволил Комитету в Проекте замечания рассмотреть другую проблему: аборт в контексте права на жизнь беременных женщин (п. 9 Проекта).

Отмечая имеющуюся у государств свободу принимать меры по регулированию вопросов прерывания беременности, Комитет отмечает, что такие меры не должны приводить к нарушению права на жизнь беременной женщины и других ее прав в соответствии с Пактом, включая положения ст. 7. С его точки зрения, не должно существовать ограничений права женщин на аборт, особенно в тех случаях, когда беременность является результатом изнасилования, кровосмешения или при наличии неизлечимой патологии плода. При этом Комитет ссылается на свою

позицию, выраженную в отношении Ирландии, где внутреннее законодательство криминализировало аборт, в том числе в указанных ситуациях [25]. Комитет считает, что государство должно создать необходимые условия, позволяющие женщинам избежать нежелательной беременности и не прибегать к незаконным формам аборта, создающим угрозу для их жизни [26]; не должно криминализировать беременность незамужних женщин и т. д. Он полагает, что на государства возлагается обязанность предоставить адекватную медицинскую помощь женщинам как в дородовой период, так и после аборта.

Правовые позиции, предложенные Комитетом в п. 9 Проекта, вызвали ряд критических замечаний. В своих комментариях к Проекту Польша предложила исключить формулировку данного пункта в связи с тем, что он обеспечивает толкование права на жизнь для беременных женщин только в контексте права на аборт [27]. Российская Федерация также выступила против данных позиций, отметив, что при рассмотрении данного аспекта необходимо учитывать практику Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин, проводить линию на укрепление репродуктивного здоровья и предотвращения абортов, а не на их поощрение [28]. Однако среди государств-участников Пакта можно встретить и положительную оценку правовых позиций Комитета в этой части Проекта [29].

Рассмотренные правовые позиции, вынесенные Комитетом по правам человека на обсуждение государств и иных субъектов, детализируют лаконичные формулировки ст. 6 Пакта. При этом в своей интерпретации договорных положений он зачастую выходит за текстуальные рамки ст. 6. Подобная эволюция правового контекста может быть объяснена стремлением Комитета «адаптировать» текст договора к изменяющимся потребностям международного сообщества, к современному контексту его действия.

При этом интерпретация положений Пакта не является произвольной со стороны Комитета. Текст Проекта Замечания представляет собой систематизированное изложение сформулированных им правовых позиций при рассмотрении индивидуальных обращений граждан в связи с предполагаемым нарушением положений Пакта, а также на основе анализа внутригосударственной практики реализации положений договора государствами при рассмотрении их периодических докладов, о чем свидетельствуют многочисленные ссылки в тексте документа. Помимо этого, Комитет достаточно часто обращается к практике других договорных органов ООН, правовым позициям Европейского суда по правам человека и иных международных судебных органов, а также к нормам других международных соглашений и актам «мягкого права». Таким образом, Комитет осуществляет толкование Пакта, исходя из практики реализации Пакта и с учетом последующих соглашений государств-участников, в соответствии с требованиями 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.

Однако такой подход не всегда находит поддержку среди участников. Проблему с восприятием правовых позиций, предложенных Комитетом, можно

объяснить имеющимися различиями в договорной и внутригосударственной практике государств-участников. На универсальном уровне эта проблема проявляется в большей степени, чем на региональном. Некоторые государства в качестве участников региональных конвенций и иных соглашений, могут принимать более широкие обязательства в связи с тем, что это соответствует их внутреннему законодательству. «Импортирование» при толковании Пакта положений из других соглашений в целях восполнения пробелов, имеющихся, по мнению Комитета, в тексте договора, он расширяет обязательства государств, не учитывая при этом, что не все они являются одновременно участниками и этого договора – «донора». Например, США согласны с тем, что договоры по правам человека могут быть взаимоукрепляющими, но это не означает, что содержание обязательств одного договора может быть автоматически вменено участникам другого договора [30]. Таким образом, по мнению некоторых участников, государство лишается своего права на самостоятельное принятие решений по международным обязательствам. Исходя из анализа Проекта, можно говорить о тенденции расширения с течением времени содержания с. 6 Пакта под влиянием изменений в общественной жизни его участников.

Вне зависимости от подобных замечаний со стороны государств-участников необходимо отметить, что Комитет достаточно взвешенно подошел к изложению своей концепции универсального стандарта права на жизнь, а его активизм можно объяснить желанием максимальной защиты прав и свобод. Кроме того, Комитет представил только возможную интерпретацию положений Пакта, которая подлжет корректировке с учетом сделанных замечаний. Введенная Комитетом консультативная процедура принятия Замечаний общего порядка дает возможность участвовать в механизме толкования договорных положений, тогда как другие существующие международные процедуры, практикующие динамическое толкование (например, в рамках Европейского Суда по правам человека), осуществляют это на основании своего убеждения.

Библиографический список

1. Матузов Н. И. Право на жизнь в свете российских и международных стандартов // Правоведение. 1998. № 1. С. 198–212.
2. Второй Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленный на отмену смертной казни 1989 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/deathpro.shtml (дата обращения: 12.02.2018).
3. Доклад Комиссии международного права Генеральной Ассамблеи о работе ее шестидесятой сессии (A/63/10). Приложение А. «Договоры сквозь призму времени, в частности: последующие соглашения и практика. URL: <http://legal.un.org> (дата обращения: 02.02.2018).
4. Замечание общего порядка № 6 – статья 6 (право на жизнь) и Замечание общего порядка № 14 – Статья 6 (право на жизнь). URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 12.02.2018).

5. Russian Federation. Preliminary comments on the Draft General comments № 36 on article 6 (right to life) of the International covenant on civil and political rights. URL: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CCPR/Pages/GC36-Article6Righttolife.aspx> (дата обращения: 03.03.2018).

6. Observations of the United States of America On the Human Rights Committee's Draft General Comment No. 36 On Article 6 – Right to Life. URL: <http://www.ohchr.org> (дата обращения: 03.03.2018).

7. «Kwok Yin Fong v. Australia» (Communication No. 1442/2005). Views adopted on 23 Oct. 2009, para. 9.7. URL: <http://juris.ohchr.org/Search/Details/1542> (дата обращения: 10.02.2018).

8. «Roger Judge v. Canada» (Communication No. 829/1998). Views adopted on 5 Aug. 2002, para. 10.6. URL: <http://juris.ohchr.org/Search/Details/1063> (дата обращения: 10.02.2018).

9. Communication № 1132/2002, «Chisanga v. Zambia», Views adopted on 18 Oct. 2005, para. 7.4. URL: <http://repository.un.org> (дата обращения: 20.03.2018).

10. Заключительные замечания Комитета по правам человека по четвертому периодическому докладу Республики Беларусь 1997 г. (п. 8); Concluding Observations: Japan (2014), para. 13. URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 20.03.2018).

11. Concluding Observations: Democratic Republic of Korea (2001), para. 13. URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 03.02.2018).

12. Concluding Observations: Japan (2014), para. 13. URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 05.02.2018).

13. Замечания общего порядка № 32 по ст. 14 «Равенство перед судами и трибуналами и право каждого на справедливое судебное разбирательство» (CCPR/C/GC/32). URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения 10.02.2018).

14. Concluding Observations: Madagascar (2007), para. 16. URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 05.02.2018).

15. Запороженко А. А. Эвтаназия и близкие к ней формы ухода из жизни: сравнительный аспект. // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Юридические науки». 2013. Т. 26 (65). № 2-2. С. 98–107. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24836428>.

16. Concluding Observations: Ecuador (1998), para. 11. URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 31.03.2018).

17. Замечания общего порядка № 4 – Здоровье и развитие подростков в контексте Конвенции о правах ребенка 2003 г.; п. 38 Замечания общего порядка № 15 (2013 год) о праве ребенка на пользование наиболее совершенными услугами системы здравоохранения (статья 24); Замечание общего порядка № 20 (2016) об осуществлении прав ребенка в подростковом возрасте. URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 02.04.2018).

18. Ахаметшин Р. Э., Ким Е. В. Зарубежный опыт легализации эвтаназии // Ученые заметки ТОГУ. 2013. Том 4, № 4.

19. Скоробогатова В. В. Правовые аспекты эвтаназии // Российский юридический журнал. 2009. № 5. URL: <http://www.ruzh.org/?q=node/4&kodart=1927>.

20. Симонян Р. З. Правовые нормы об эвтаназии в российском законодательстве: уголовно-правовая характеристика эвтаназии // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.

2016. № 6 (часть 5). С. 971–975. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26165558>.

21. «Pretty v. The United Kingdom» (Application no. 2346/02) 29 April 2002. URL: <https://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 10.02.2018).

22. Concluding Observations: Netherlands (2009), para. 7. URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 31.03.2018).

23. Романовский Г. Б. Право на жизнь (общетеоретический аспект) // Правоведение. 2003. № 4. С. 180–190. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23135518>.

24. Право на жизнь, запрет пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания: европейские стандарты, российское законодательство и правоприменительная практика / под ред. Л. М. Чуркиной; общ. ред. С. И. Беляева. Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 2005.

25. Concluding Observations: Ireland (2014), para. 9. URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 15.03.2018).

26. Observations: Madagascar (2009), para. 21. URL: <http://tbinternet.ohchr.org> (дата обращения: 31.03.2018).

27. Remarks of Poland to the General Comment No. 36 on article 6 of the International Covenant on Civil and Political Rights, on the right to life. URL: <http://www.ohchr.org> (дата обращения: 10.02.2018).

28. Russian Federation. Preliminary comments on the Draft General comments № 36 on article 6 (right to life) of the International covenant on civil and political rights, para. 7. URL: <http://www.ohchr.org> (дата обращения: 03.03.2018).

29. Comments of the Netherlands to the Draft General Comment No. 36 on article 6 of the International Covenant on Civil and Political Rights, on Right to Life. URL: <http://www.ohchr.org> (дата обращения: 03.03.2018).

30. Observations of the United States of America On the Human Rights Committee's Draft General Comment No. 36 On Article 6 – Right to Life (§ 7). URL: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CCPR/Pages/GC36-Article6Righttolife.aspx> (дата обращения: 05.03.2018).

References

1. Matuzov N. I. *Pravo na zhizn' v svete rossiiskikh i mezhdunarodnykh standartov* [Right of life under Russian and international standards]. Pravovedenie, 1998, no. 1, pp. 198–212 [in Russian].

2. *Vtoroi Fakul'tativnyi protokol k Mezhdunarodnomu paktu o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh, napravlennyi na otmenu smertnoi kazni 1989 g.* [Second Optional protocol to the international Covenant on civil and political rights, aiming at the abolition of death penalty, 1989]. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/deathpro.shtml (accessed 12.02.2018) [in Russian].

3. *Doklad Komissii mezhdunarodnogo prava General'noi Assamblei o rabote ee shestidesiatoi sessii. (A/63/10). Prilozhenie A. «Dogovory skvoz' prizmu vremeni, v chastnosti: posleduiushchie soglashenie i praktika»* [Report of the international law Commission of the General Assembly on its sixtieth session (A/63/10). Appendix A: «Time-sensitive» treaties, in particular: subsequent agreements and practice]. Available at: <http://legal.un.org> (accessed 02.02.2018) [in Russian].

4. General Comment № 6 – Article 6 (right to life) and General Comment № 14 – Article 6 (right to

life). Available at: <http://tbinternet.ohchr.org> (accessed 12.02.2018) [in Russian].

5. Russian Federation. Preliminary comments on the Draft General comments № 36 on article 6 (right to live) of the International covenant on civil and political rights. Available at: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CCPR/Pages/GC36-Article6Righttolife.aspx> (accessed 03.03.2018) [in English].

6. Observations of the United States of America On the Human Rights Committee's Draft General Comment No. 36 On Article 6 – Right to Life. Available at: <http://www.ohchr.org> (accessed 03.03.2018) [in English].

7. «Kwok Yin Fong v. Australia (Communication No. 1442/2005). Views adopted on 23 Oct. 2009, para. 9.7. Available at: <http://juris.ohchr.org/Search/Details/1542> (accessed 10.02.2018) [in English].

8. «Roger Judge v. Canada» (Communication No. 829/1998). Views adopted on 5 Aug. 2002, para. 10.6. URL: <http://juris.ohchr.org/Search/Details/1063> (accessed 10.02.2018) [in English].

9. Communication №. 1132/2002, «Chisanga v. Zambia», Views adopted on 18 Oct. 2005, para. 7.4. Available at: <http://repository.un.org> (accessed 20.03.2018) [in English].

10. *Zakliuchitel'nye zamechaniia Komiteta po pravam cheloveka po chetvertomu periodicheskomu dokladu Respubliki Belarus' 1997 g. (p.8)* [Concluding observations of the Human Rights Committee on the fourth periodic report of the Republic of Belarus, 1997 (p. 8)]; Concluding Observations: Japan (2014), para. 13. Available at: <http://tbinternet.ohchr.org> (accessed 20.03.2018) [in Russian].

11. Concluding Observations: Democratic Republic of Korea (2001), para. 13. Available at: <http://tbinternet.ohchr.org> (accessed 03.02.2018) [in English].

12. Concluding Observations: Japan (2014), para. 13. Available at: <http://tbinternet.ohchr.org> (accessed 05.02.2018) [in English].

13. *Zamechaniia obshchego poriadka № 32 po st. 14 «Ravenstvo pered sudami i tribunalami i pravo kazhdogo na spravedlivoie sudebnoe razbiratel'stvo» (CCPR/C/GC/32)* [General comments № 32 on Article 14 «Equality before courts and tribunals and the right of everyone to a fair trial» (CCPR/C/GC/32)]. Available at: <http://tbinternet.ohchr.org> (accessed 10.02.2018) [in Russian].

14. Concluding Observations: Madagascar (2007), para. 16. Available at: <http://tbinternet.ohchr.org> (accessed 05.02.2018) [in English].

15. Zaporozhchenko A. A. *Evtanaziia i blizkie k nei formy ukhoda iz zhizni: sravnitel'nyi aspekt* [Euthanasia and similar forms of withdrawal from life: a comparative aspect]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya «Iuridicheskie nauki»* [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science], 2013, Vol. 26 (65), no. 2–2, pp. 89–107. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24836428> [in Russian].

16. Concluding Observations: Ecuador (1998), para. 11. Available at: <http://tbinternet.ohchr.org> (accessed 31.03.2018) [in English].

17. *Zamechaniia obshchego poriadka № 4 – Zdorov'e i razvitiie podrostkov v kontekste Konventsii o pravakh rebenka 2003 g.; p. 38 Zamechaniia obshchego poriadka № 15 (2013 god) o prave rebenka na pol'zovanie naibolee sovershennymi uslugami sistemy zdravookhraneniia (stat'ia 24); Zamechanie obshchego poriadka № 20 (2016) ob osushchestvlenii prav rebenka v podrostkovom vozraste* [General comment № 4 – Health and development of adolescents in the context of the Convention on the Rights of the Child, 2003, paragraph 38 of the General comment № 15(2013) on the right of the child to the enjoyment

of the highest attainable standard of health (Article 24); General Comment № 20 (2016) on the implementation of the rights of the child in adolescence]. Available at: <http://tbinternet.ohchr.org> (accessed 02.04.2018) [in Russian].

18. Ahmetshin R. E., Kim E. V. *Zarubezhnyi opyt legalizatsii evtanazii* [Foreign experience of legalization of euthanasia]. *Uchenye zametki TOGU* [Scientists notes PNU], 2013, Vol 4, no. 4, pp. 2069–2075. Available at: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2014/TGU_4_368.pdf [in Russian].

19. Skorobogatova V. V. *Pravovye aspekty evtanazii* [Legal aspects of euthanasia]. *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal* [Russian Juridical Journal], 2009, no. 5. Available at: <http://www.ruzh.org/?q=node/4&kodart=1927> [in Russian].

20. Simonyan R. Z. *Pravovye normy ob evtanazii v rossiiskom zakonodatel'stve: ugovolno-pravovaia kharakteristika evtanazii* [About improvement of training of doctors by the medical right. Legal literacy as security measure of professional activity of the doctor]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniï* [International Journal of Applied and Fundamental Research], 2016, no. 6 (part 5), pp. 971–975. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26165558> [in Russian].

21. «Pretty v. The United Kingdom» (Application no. 2346/02) 29 April 2002. Available at: <https://hudoc.echr.coe.int> (accessed: 10.02.2018) [in English].

22. Concluding Observations: Netherlands (2009), para. 7. Available at: <http://tbinternet.ohchr.org> (accessed 31.03.2018) [in Russian].

23. Romanov G. B. *Pravo na zhizn' (obshcheteoreticheskii aspekt)* [Right to Life (Aspect of General Theory)]. *Pravovedenie*, 2003, no. 4 (249), pp. 180–190. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23135518> [in Russian].

24. *Pravo na zhizn', zapret pytok i beschelovechnogo ili unizhaiushchego dostoinstvo obrashcheniia ili nakazaniia: evropeiskie standarty, rossiiskoe zakonodatel'stvo i pravoprimeritel'naia praktika. Pod red. L. M. Churkinoi; obshch. red. S. I. Beliaeva* [Right to life, prohibition of tortures and inhuman or degrading treatment or punishment: European standards, Russian legislation and practice. L. M. Churkina; S. I. Belyaev (Eds.)]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2005 [in Russian].

25. Concluding Observations: Ireland (2014), para. 9. Available at: <http://tbinternet.ohchr.org> (accessed 15.03.2018) [in English].

26. Observations: Madagascar (2009), para. 21. Available at: <http://tbinternet.ohchr.org> (accessed 31.03.2018) [in English].

27. Remarks of Poland to the General Comment № 36 on article 6 of the International Covenant on Civil and Political Rights, on the right to life. Available at: <http://www.ohchr.org> (accessed 10.02.2018) [in English].

28. Russian Federation. Preliminary comments on the Draft General comments № 36 on article 6 (right to live) of the International covenant on civil and political rights. para. 7. Available at: <http://www.ohchr.org> (accessed 03.03.2018) [in English].

29. Comments of the Netherlands to the Draft General Comment No. 36 on article 6 of the International Covenant on Civil and Political Rights, on Right to Life. Available at: <http://www.ohchr.org> (accessed 03.03.2018) [in English].

30. Observations of the United States of America On the Human Rights Committee's Draft General Comment No. 36 On Article 6 – Right to Life (§ 7). Available at: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CCPR/Pages/GC36-Article6Righttolife.aspx> (accessed 05.03.2018) [in English].